

УЖЕЛЬ ТА САМАЯ ТАТЬЯНА...

Недавно на сцене театра «Эстония» вновь был показан «Евгений Онегин», прославленная опера П. И. Чайковского. И неудивительно, что многим захотелось пережить волнующую встречу с музыкальным шедевром, пронизанным пушкинской поэзией. Привлекало и то, что партию Онегина исполняет солист Кировского театра Владимир Чернов, лауреат четырех международных конкурсов вокалистов. Так вот, эта встреча состоялась.

Замерли последние звуки вступления, раздвинулся занавес. Березки, барский дом, няня, Ларина, а вот и Ольга, хор, Татьяна — все знакомо, все так. Но что-то отвлекает, мешает сосредоточиться: ах да, невольное сомнение — так ли одевались женщины пушкинского времени?

Но действие на сцене развивалось дальше, и вот уже — Онегин, Ленский, «явились други»: один, «как денди лондонский одет», а именно по моде 30-х годов XIX века (времени событий, описанных в романе), с манерами «далекой старины», и рядом... Нет, этого не может быть! Не может рыжий господин в куцем пиджаке, в желтых сапогах быть тем самым юным Ленским, что имел «дух пылкий» и «кудри черные до плеч» (именно так у А. С. Пушкина). Судорожно пытаемся в темноте что-либо прочесть в программке — и действительно: «действие происходит в 1870 г.» Не веришь прочитанному, снова смотришь на сцену и диву даешься: закаленная (на зависть нынешним барышням) Татьяна, в легкой сорочке, пишет письмо пленительному соседу не в комнате своей (как в романе), а на свежем воздухе, под березами, возле неуместного здесь ложа неизвестной эпохи. И как бы в напоминание Татьяне, что она и в комнате может писать, распахнуты настежь окна и двери ларинского дома, по-видимому, заселенного физически крепкими людьми, коим осенней порой в средней полосе России довольно жарковато не только днем, но и ночью.

Сюрприз следовал за сюрпризом: были и девицы-красавицы из хора, что явились с ведерными туесами, приобрета их, вероятно, у страдающего отсутствием меры и художественного вкуса промысловика-штамповщика, все до единой одетые в кожаную обувь (это крестьянки-то XIX века!). Был кучерского вида месть Гильо (по роману — француз, камердинер барина-щеголя) и все тот же рыжий господин Ленский, до последнего вздоха не расстающийся со своими любимыми сапогами пленительного цвета яичного желтка. И остальные — странного вида сборище — то ли лавочники с орденами, то ли персонажи офенбаховских оперетт, то ли офицеры, собравшиеся на полевые учения, но в суете не забывшие прихватить по дороге к Лариным красоток, страдающих пристрастием к цыганскому стилю одежды и

лени.

Но главное — исчезла в III действии героиня пушкинского романа — та Татьяна, которую Онегин, попав, «как Чацкий с корабля на бал», увидел дамою в малиновом берете, с послом испанским говорившей — фраза, выкинутая вообще из данной постановки оперы. Исчезла та Татьяна, к которой Евгений «примчался...», «дверь открыл он» и увидел, что Татьяна «перед ним одна сидит не убрана, письмо какое-то читает». Поверьте, очень трудно было Онегину, а заодно и юному неопытному зрителю, узнать Татьяну в той броско одетой госпоже под вуалью с мушками, что пропевала пушкинские строки!

Да что же это такое? — воскликнет возмущенный читатель. Что за чушь? Не привиделось ли пишущему все это в кошмарном сне? К сожалению, нет и нет! Не хочется даже приглашать читателя на этот спектакль театра «Эстония», чтобы убедиться в правдивости написанного. Что можно почерпнуть для себя, созерцая странно оформленное действие, с «аннокаренинского» вида героями, суеящимися исключительно на травке под неувядающими четырьмя березами, передвигаемыми с места на место.

(Хотелось бы в скобках напомнить к тому же, что жюри последнего конкурса вокалистов им. П. И. Чайковского отметило блестящее знание системы Станиславского у певцов из многих стран — от швейцарских долин до американских прерий. Увы, здесь...)

Теперь хотелось бы задать вопрос художнику-постановщику спектакля Эльдору Рентеру и молодому режиссеру Неэме Кунингасу, выпускнику ГИТИСа, так лихо расправившимся с гениальным творением Чайковского и Пушкина. Знакомы ли они по-настоящему с творчеством поэта и вообще с литературой XIX века? Или, может, знают понаслышке, в самых общих чертах? Действительно, что за разница — Пушкин или Л. Толстой, 1830 год или 1870-й, Татьяна или Анна! Что толкнуло их на то, чтобы исказить до неузнаваемости оперу, вошедшую в фонд мировой музыкальной классики? Ведь были ж на то какие-то причины.

И как укор всей этой нелепнице — блистал на сцене в тот вечер Чернов-Онегин. Блистал великолепной вокальной техникой, создавая сценической игрой, манерами, одеждой образ аристократа пушкинской поры.

«Если ружье висит на стене, оно должно выстрелить». Если режиссер берется за по-

настежь окна и двери ларинского дома, по-видимому, заселенного физически крепкими людьми, коим осенней порой в средней полосе России довольно жарковато не только днем, но и ночью.

Сюрприз следовал за сюрпризом: были и девицы-красавицы из хора, что явились с ведерными туесами, приобретя их, вероятно, у страдающего отсутствием меры и художественного вкуса промысловика-штамповщика, все до единой одетые в кожаную обувь (это крестьянки-то XIX века!). Был кучерского вида месье Гильо (по роману — француз, камердинер барина-щеголя) и все тот же рыжий господин Ленский, до последнего вздоха не расстающийся со своими любимыми сапогами пленительного цвета яичного желтка. И остальные — странного вида сборище — то ли лавочники с орденами, то ли персонажи оффенбаховских оперетт, то ли офицеры, собравшиеся на полевые учения, но в суете не забывшие прихватить по дороге к Лариным красоток, страдающих пристрастием к цыганскому стилю одежды и при том дурно танцующих. Поэтому можно понять Лариных, устроивших празднование дня рождения Татьяны в виде пикника на лужайке — не допускать же в барский дом столь пестрое общество.

Нелепости продолжались. Вот новая лужайка и вновь пикниковая ситуация, вокруг белого столика с прохладительными напитками. Вот Гремин, необъяснимый в своих действиях, приводит жену на любовное свидание, тактично пережидает сие событие за уголочком и, подхватив под локоток, уводит женушку в неизвестном направ-

ского у певцов из многих стран — от швейцарских долин до американских прерий. Увы, здесь...)

Теперь хотелось бы задать вопрос художнику-постановщику спектакля Эльдору Рентеру и молодому режиссеру Неэме Кунингасу, выпускнику ГИТИСа, так лихо расправившимся с гениальным творением Чайковского и Пушкина. Знакомы ли они по-настоящему с творчеством поэта и вообще с литературой XIX века? Или, может, знают понаслышке, в самых общих чертах? Действительно, что за разница — Пушкин или Л. Толстой, 1830 год или 1870-й, Татьяна или Анна! Что толкнуло их на то, чтобы исказить до неузнаваемости оперу, вошедшую в фонд мировой музыкальной классики? Ведь были ж на то какие-то причины.

И как укор всей этой нелепице — блистал на сцене в тот вечер Чернов-Онегин. Блистал великолепной вокальной техникой, создавая сценической игрой, манерами, одеждой образ аристократа пушкинской поры.

«Если ружье висит на стене, оно должно выстрелить». Если режиссер берется за постановку классического шедевра и переполнен оригинальными идеями, то пусть они будут безусловны и необходимы современнику, как тот выстрел, что прозвучит в конце действия. А может, и вовсе не надо заново переписывать оперы Чайковского, симфонии Моцарта, рядить рафаэлевскую Мадонну в изделия японских модельеров или менять силуэт Эйфелевой башни? Может, просто сохраним и сбережем как есть — для нас самих, для потомков? Сберегли же предшественники.

Татьяна ЧЕРВОВА.

Мол. Зерокин

22. XI - 1986